

*Горюнов С.А.**

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ:
ЦЕНЗУРНОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ПОНЯТИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «КОМИТЕТА 2-го апреля 1848 года»)**

Аннотация. В статье рассматривается возможность исследовать историческую семантику понятий на материалах цензурных документов. Используя методы Кембриджской школы интеллектуальной истории и Begriffsgeschichte, автор анализирует цензурные дела высшего цензурного комитета в Российской империи – *Комитета 2-го апреля 1848-го года*, предметом изучения которых стало рассмотрение отдельных, встречающихся в текстах понятий. Во второй части статьи рассмотрены понятия, которые применялись к самому институту цензуры, а именно – категории *светское / духовное* и их соотношение с бинарной оппозицией *секулярное / религиозное*. Автор пробует раскрыть содержание понятия *религиозное*, а также выдвигает гипотезу о том, что применительно к российскому историческому материалу следует говорить о наличии трехчастного деления – *светское / духовное / религиозное*.

Ключевые слова: цензура; религиозный другой; историческая семантика; история идей; светское; духовное; религиозное; секулярное.

* *Горюнов Сергей Айказович* – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; existimator@yandex.ru

Goryunov Sergey Aikazovich – Scientific Employee (Research Fellow) at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; existimator@yandex.ru

Поступила: 01.02.2024

Принята к печати: 05.03.2024

Для цитирования: Горюнов С.А. Семантические приключения понятий: цензурное делопроизводство как источник изучения исторической семантики понятий (по материалам «Комитета 2-го апреля 1848 года») // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 59–91. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.03

Goryunov S.A.

Semantic adventures of concepts: censorship record-keeping as a source for researching historical semantics of concepts (based on the sources of the “Committee of April 2nd, 1848”)

Abstract. The paper explores how the historical semantics of concepts could be studied using materials from Russian censorship documents. By using the methods of Cambridge Methodological School and Begriffsgeschichte school, the paper analyzes the archive cases of the highest censorship committee of the Russian Empire, the so-called “Committee of April 2, 1848” – the cases, focused on the examination of particular concepts. The second part of the paper examines the concepts applied to the censorship institution itself, specifically the categories of “secular and spiritual” in their relation to the binary opposition of secular vs religious. The author attempts to unpack the content of these concepts and puts forward a hypothesis that in the context of Russian historical sources, there should be a three-part division – secular/spiritual/religious.

Keywords: Russian censorship; religious other; historical semantics; history of ideas; secular; spiritual; religious.

Received: 01.02.2024

Accepted: 05.03.2024

For quoting: Goryunov S.A. Semantic adventures of concepts: censorship record-keeping as a source for researching historical semantics of concepts (based on the sources of the “Committee of April 2nd, 1848”) // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 59–91. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.03

Ситуация предварительной цензуры

В первой половине XIX в., в период, когда вся литература подвергалась *предварительной* цензуре (*карательная*¹ получает свое полноценное оформление лишь при Александре II), цензура как институт, призванный блюсти границы *нормы* и *аномалии*, определяла судьбу любого высказывания прежде его публикации. «Недопустимое» просто не могло прозвучать в публичном пространстве, оставалось немым или, по выражению Алексея Котовича, оказывалось на «кладбище мысли»: «На архивных кладбищах воскресают писатели, и из-под цензурных протоколов несутся к нам живые голоса невысказанных убеждений» [Котович, 1909, с. III]. Не менее важно и то, что цензура пропитывала собой всю культуру, становясь значимой частью *интеллектуальной атмосферы эпохи*. Пиковая ситуация этого влияния пришлась на 1848–1855 гг. Это была т.н. эпоха цензурного террора (термин вводит Лемке [см. Лемке, 1904]), когда своего рода манифестом грядущих перемен стал учрежденный Николаем I «особый» «негласный» «высший» «цензурный» *Комитет 2-го апреля 1848 года*. На тот момент явление для России уникальное – *Комитет* был цензурой над самой цензурой. Расположившись в особом кабинете Императорской публичной библиотеки, *Комитет* повторно рассматривал уже пропущенные цензорами книги, оценивая качество их работы.

На стыке старой и новой нормы

Задача *Комитета 2-го апреля 1848 года*, согласно его собственному регламенту, была «отслеживать дух и направление печатного слова»². Однако сам факт учреждения дополнительной надстройки в виде цензуры над цензурой может говорить о том, что власть остро ощущала необходимость внедрить контроль и надзор за ведомством, производящим *норму* – стерегущим границу *дозволенного* и *недозво-*

¹ Термин звучит устрашающе, но на практике «карательная» цензура – это менее строгий формат надзора. Разница в том, что при предварительной все тексты вычитывались цензором, а при карательной издательствам разрешалось печатать все на свое усмотрение, но в случае пропуска чего-то недопустимого к ним применялись меры наказания.

² РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5.

ленного. Это делает документы делопроизводства *Комитета* источником особого характера. В них старая *норма* сталкивается с новой (тесно связанной с актуальным политическим контекстом), и пропущенные ранее сочинения запрещаются к публикации. Полемика *автор / читатель* («контравтор» – *counterauthor*), в роли которых в нашем случае выступают стороны ведомственной переписки, становится борьбой языковых инноваций и языковых конвенций, местом встречи *языка* и *речи* – *langues* и *paroles*, где можно фиксировать «*континуумы интерпретаций*» – по Дж. Пококу [Покок, 2018, с. 177]. В этом смысле документы цензурного делопроизводства оказываются отличным материалом для исследования истории идей / понятий / концептов. А сами понятия, в которых, по меткому замечанию Рейнхарда Козеллека, «конденсируется история» [Козеллек, 2016, с. 38], позволяют перевести разговор в культурологическое измерение [Никифорова, 2010, с. 104–109]. Если располагать цензурное делопроизводство как вид источника на темпоральной шкале источников Коззеллека, то оно окажется на самом чутком к смысловым смещениям уровне, способном продемонстрировать даже незначительные изменения в семантике – уровень *повседневных текстов*. Напомним, что Райнхард Козеллек для своих «синхронных срезов» и «диахронных глубинных замеров» (при которых определялось изменяемое и остающееся неизменным в семантике понятий) выделял три группы источников по темпоральному принципу: 1 уровень «*классиков*» – он почти неизменный; 2 уровень «*словарей*» – это уровень поколений; 3 уровень «*газет*» – наиболее подвижный в семантическом смысле, повседневный уровень (включал в себя и тексты административного характера) [Козеллек, 2016, с. 40].

При анализе конкретных архивных материалов делопроизводства *Комитета 2-го апреля 1848-го года* мы выступаем с позиций «исторической семантики», в которой, при определенном смещении разговора в зону истории культуры и Кембриджская школа, и Begriffsgeschichte (при общеизвестной разнице между ними) находят, на наш взгляд, пространство для неконфликтного соседства [Кагарлицкий, Маслов, 2019, с. 19]. Однако в отличие от газет и журналов цензурное делопроизводство обладает как минимум еще тремя дополнительными значительными свойствами: секретность, перформативность и бюрократичность. Каких-то особенно удачных размышлений

о том, какие дополнительные характеристики это дает цензурным документам как источникам, нам найти не удалось, поэтому мы попробуем предложить собственные.

Секретность, перформативность и бюрократичность

Гриф «секретно» / «конфиденциально» / «негласно» – это не просто обстоятельство работы ведомства, а дополнительная и, на наш взгляд, крайне важная характеристика источника. Такого рода недоступные внешнему читателю тексты, при создании которых не возникало необходимости «сглаживать» формулировки, обладают гораздо большим уровнем прозрачности – содержат откровенные оценки и прямолинейные высказывания (цензурные документы цензурировать было некому).

Не меньшее значение имеет и их перформативность. Высказывания цензоров, будь то замечания относительно отдельных отрывков или общая характеристика целых произведений, или, что в контексте данной статьи особенно важно, выделение отдельных понятий, обладали определенной учредительной силой, становились частью *нормы*, которая формировалась по принципу *цензурного прецедента*. В таком же виде (прецедентов / случаев запрета, вымарывания определенных отрывков) эта норма, безусловно, просачивалась и в коллективные представления, безусловно становясь питательной средой для общественных страхов и влияя на градус самоцензуры. Попросту говоря, интенция цензора содержит перформативность [см.: Austin, 1965; Остин, 1999, с. 13–135], обладает учредительной силой. Яркий пример того, какой эффект производил *Комитет 2-го апреля 1848-го года* на «рядовых» цензоров, можно встретить в дневнике цензора Никитенко: «Я заходил в цензурный комитет. Чудные дела делаются там. Например, цензор Мелехин вымарывает из древней истории имена всех великих людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканского образа мыслей – в республиках Греции и Рима. Вымарываются не рассуждения, а просто имена и факты. Такой ужас навел на цензоров Бутурлин с братией, т.е. с Корфом и Дегаем» [«Бутурлин с братией» – это и есть *Комитет 2-го апреля 1848-го года*. – С. Г.] [Никитенко, 1905, с. 388]. Нетрудно догадаться, что вместе с вымаранными местами общее настроение доносилось эхом и до изда-

тельств, а следом и до авторов. Секретность Комитета – завеса тайны, скрывавшая его реальную работу, провоцировала, по-видимому, и определенную (возможно даже гротескную) гиперболизацию образа этого ведомства, с учетом использования цензором Никитенко словосочетания «навел ужас».

Наконец, стоит обозначить, какие черты придает этому историческому источнику его бюрократический характер. 1. **Формализованность** – бюрократические документы обычно имеют структурированный вид, в них зафиксированы имена, подписи, даты, адресаты и т.п. 2. **Систематизированность** – пронумерованность дел, наличие грифов в ответах других ведомств и т.п. – позволяют встраивать их в общую архитектуру государственного аппарата, оценивать их масштаб. 3. **Хронологичность** – наличие точных дат на всех документах позволяет в случае необходимости легко встраивать их в общий *тайм-трек* истории. 4. **Перлокутивность** – в ответах и реакциях других ведомств, особенно в случаях конфликта, можно нередко зафиксировать нарушение конвенционального. А в случае с *Комитетом 2-го апреля 1848-го года* можно непосредственно увидеть и реакцию монарха, так как на каждой писарской копии (точный эквивалент оригинала) протокольного «журнала Комитета Высочайше учрежденного во 2-й день апреля 1848-го года» обозначена и резолюция Николая I с припиской «На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано карандашом:» и далее текст резолюции (конкретных примеров мы коснемся при рассмотрении архивных дел).

Цензура как пространство переосмысления семантики понятий

В этом разделе речь пойдет о некоторых семантических смещениях, или, выражаясь образно, о семантических *приключениях* слов, происходивших именно в цензурных кабинетах. Николаевская эпоха – это, конечно, в целом эпоха реакции. Получают свои конкретные очертания идеи опасности западного влияния. Важным штрихом к портрету времени становится сформулированная, судя по всему, именно как антитеза триаде «Свобода, Равенство и Братство» знаменитая уваровская формула «Православие, Самодержавие, Народность». Общее неприятие идей просвещения было, возможно, и формой реакции на восстание декабристов, сопровождавшее восшествие

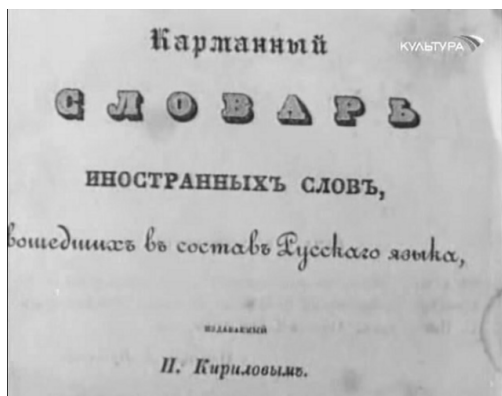
на престол Николая I. Безусловно, «реакцией» было создание рассматриваемого нами *Комитета 2-го апреля 1848-го года*, который возник в ответ на череду прокатившихся по Европе революций (т.н. Весны народов 1848–1849 гг.). Иными словами, «эпоха цензурного террора» – это время пересмотра нормы, не в последнюю очередь в отношении отдельных понятий, когда они входили в резонанс с «опасным» нововременным политическим языком.

Первое дело, которое мы рассмотрим, достаточно ярко демонстрирует вышесказанное. Оно связано с извлечением из продажи книги под заглавием «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка»¹. Напомним, что этот словарь ранее уже прошел цензуру и был опубликован в 1845 г. На обороте фронтисписа издания 1845 г. стоит пометка²: «ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ с тем, чтобы по напечатании предоставлено было в цензурный комитет узаконенное число экземпляров. С. Петербург, апреля 5 дня 1845 года. цензор А. Крылов» [Карманный словарь ... , 1845]. История с этим словарем непростая, и он по-своему знаменит. В действительности, он редактировался и составлялся М.В. Бужашевичем-Петрашевским и неразрывно связан с «кружком Петрашевцев». Под видом «карманного словаря» Петрашевский планировал распространять западные политические идеи, используя, по-видимому, формат справочного издания как стратегию обхода цензурного надзора. Герцен описывает эту историю так: «Петрашевский с жадностью схватился за случай распространять свои идеи при помощи книги, на вид совершенно незначительной... все это для того, чтобы под разными заголовками излагать основания социалистических учений, перечислять главные статьи конституции, предложенной первым французским учредительным собранием, сделать ядовитую критику современного состояния России...» [Шишхова, 2014, с. 161]. Этот словарь нашел любопытное отражение и в ранней советской культуре. Именно он фигурирует в руках Николая I во втором (по счету) звуковом советском фильме 1932 г. «Мертвый дом» (см.: илл. 1, илл. 2), сценарий к которому был написан

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69.

² Тут и далее цитаты дореволюционных текстов согласованы с текущей языковой нормой, для удобства ознакомления и увеличения вероятности нахождения цитируемых архивных материалов при исследовательских поисковых запросах. Смысл текста при этом остается неизменным.

Виктором Шкловским (так что эта скрытая отсылка не кажется удивительной).

Илл. 1, илл. 2. Кадры из фильма «Мертвый дом» (х.ф.). Реж. Федоров В.Ф. 1932

При этом в фильме Николай I зачитывает вслух: «ИРОНИЯ¹. Пример иронии – как если бы кто говорил хорошо о самодержавии»² –

¹ В действительности (в словаре) текст следующий: «Ирония. ... Так, например, нельзя не приписать иронического характера сочинению Макиавелли “О монархе”, где он, как будто бы с полным, глубоким убеждением доказывает, что монарх не должен стесняться ничем для усиления своей власти, между тем как принимая в сооб-

статья словаря, рассмотрение которой задокументировано петербургским цензурным комитетом. Зафиксирован этот факт и в деле *Комитета 2-го апреля 1848-го года*. Так, в ответе князя Платона Александровича Ширинского-Шахматова (на тот момент министр народного просвещения) мы читаем следующее: «Рассматривавший оную [книгу] цензор статский советник Крылов, как он теперь объясняет, докладывал предварительно о содержании некоторых статей ее в собрании С. Петербургского цензурного комитета и получил от него словесные разрешения на печатание их, в подтверждение чего никакого однако доказательства не представил. Впрочем, статья под названием Ирония, записана в журнале сего комитета 20 февраля 1845 года и разрешена к печати письменно»¹.

**Дело № 69. «О извлечении из продажи книжки под заглавием:
Карманный словарь иностранных слов, вошедших
в состав Русского языка»**

Мы переходим к рассмотрению самого цензурного дела, где прослеживается вся драматургия исторического эпизода с этим словарем. В журнале *Комитета 2-го апреля 1848-го года* сообщается, что в числе «случайно» дошедших до него сведений особое внимание обратила на себя именно эта «книжка»²: «По тщательном рассмотрении означенной книжки Комитет не мог не признать в ней направления не только двусмысленного, но и прямо предосудительного. ... в словаре, Комитетом рассмотренном, цель сея [*объяснительная. – С. Г.*] становится, напротив, второстепенной, уступая место явному намерению развивать такие идеи и понятия, которые у нас могли бы повести к одним лишь самым вредным последствиям. С одной стороны, в означенный словарь включено много таких слов, о которых нельзя было не предвидеть уже вперед, что самое даже благонамеренное объяснение их значения поведет к толкованиям, вовсе не свойственным образу и духу нашего правления и гражданского устройства, и что потому

ражение другие сочинения того же писателя, можно догадаться, что похвалы его деспотам суть не что иное, как сильная сатира» [Карманный словарь ... , 1845, с. 85].

² «Мертвый дом» (х.ф.). Реж.: Федоров В.Ф. 1932 г. (тайм-код: 32:40).

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 12 (об.).

² РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 1.

осторожнее не допускать их в книгу, для популярного чтения предназначенную; напротив автор подлежащего словаря не только переполнил ими свою книгу, но и издал ее, как по всему заключить должно, единственно для неприметного разлития в народ, под видом истолкования сих слов, косвенных – по своим видам – похвал или порицаний, выражаемым ими понятиям. Таковы, например, слова: *Авторитет, Анархия, Демократия, Деспотизм, Конституция* [курсив наш. – С. Г.] и прочее. С другой стороны, даже таким словам, прямое значение которых не могло бы, по-видимому, вызвать какие-либо отвлеченные умствования, – как-то: Аполлог, Анализ, Синтез, Идеал, Идиллия, Ирония, Ландшафтная живопись, Максимум, и др. приведенными при них толкованиями или примерами, придан смысл неблагонамеренный и явно намекающий на ту же самую тайную цель автора»¹.

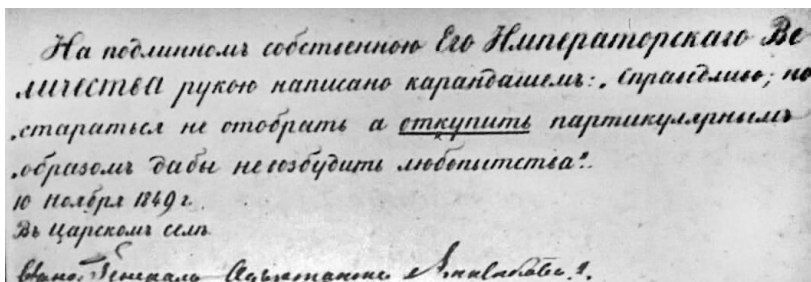
Любопытно, что Комитет практически угадывает идею Рейнхарда Козеллека о нововременном политическом языке. Напомним, что он выделяет четыре значимых процесса, происходящих с политическими понятиями в Новое время, а именно: 1. **Демократизация** – все больше слоев населения начинают этими понятиями пользоваться: «Через трещины в границах между социальными слоями многие понятия проникают в другие общественные круги» [Козеллек, 2016, с. 28] (в связи с этим обратим еще раз внимание на формулировки *Комитета*: «книгу, для популярного чтения предназначенную»; «для неприметного разлития в народ»); 2. **Темпорализация** – в политические понятия привнесен оттенок ожидания – в их семантике содержатся идеи обещания, стремления, будущего, прогресса, цели («такие идеи и понятия, которые у нас могли бы повести к одним лишь самым вредным последствиям»); 3. **Идеологизируемость** – политические понятия ценностно окрашены, это «слова с большой буквы»: Свобода, Равенство, Братство, Прогресс, История, Природа и т.п. (подходят сюда и понятия, которые особенно выделены *Комитетом*: «Авторитет, Анархия, Демократия, Деспотизм, Конституция»); 4. **Политизация** – такие понятия – это слова-лозунги, в них, с одной стороны содержится призыв, а с другой – маркируется враг, чуждый (Комитет ощущает собственную инаковость / противопоставленность: «поведет к толко-

1 РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 1 об., 2, 2 об., 3.

ваниям, вовсе не свойственным образу и духу нашего правления и гражданского устройства») [Козеллек, 2016, с. 27–31].

Подобного рода понятия, по-видимому, не могут быть отделены от политического контекста или получить некоторую «семантическую невинность / нейтральность», скорее наоборот, в ходе исторического процесса их ценностная окрашенность набирала вес, становясь более явной и читаемой – в 1845 г. словарь был пропущен в печать, а вот в 1848–1849 гг. он уже, как мы видим, прочитывался по-другому. Это отмечает и сам *Комитет*, который прямо указывает на то, что революционные события «подсветили» эти понятия, рассуждая о возможном наказании цензора Крылова, «имевшего неосторожность или неблагоразумие пропустить подобное сочинение в печать» несмотря на то что книга «появилась уже несколько лет тому назад, т.е. до тех смутных происшествий [«Весна народов». – С. Г.] на Западе, которые побудили Правительство усилить бдительность цензурного надзора...»¹. Из конкретных мер, помимо внимания к участи цензора Крылова, стоит отметить предложение Комитета изъять все непроданные экземпляры книги «как весьма вредной и опасной»².

Николай I в своей резолюции смягчает эту меру, заменяя изъятие на выкуп тиража: «На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано карандашом: “Справедливо, но стараться не отбирать, а откупить партикулярным образом дабы не возбудить любопытства”» (см. илл. 3).

Илл. 3. Резолюция Николая I

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 3 об.

² РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 3.

Как мы видим, в деле можно зафиксировать определенные семантические смещения и смену нормативности, при которой еще недавно допущенное к печати превратилось в недопустимое. Впрочем, справедливым будет и вопрос о показательности дела «о словаре», который изначально и задумывался Петрашевским для распространения политических идей – внимание к нему можно было бы объяснить исключительно скрытой интенцией автора, угаданной цензорами. Однако это дело не единственный пример. Для наглядности приведем еще одно, рассматривающее проповедь, которое вскользь уже упоминалось нами в другой статье [Горюнов, 2021, с. 267].

От le libre arbitre к опасному Liberté

Предметом дела № 106 стала речь ректора Могилёвской семинарии архимандрита Серафима, которая была опубликована в пензенских губернских ведомостях: «В речи этой [замечает Комитет. – С. Г.] говорится не о *свободе политической*, но о *духовной свободе* человека или о том внутреннем свободном произволении (*le libre arbitre*), посредством коего он или соблюдает или нарушает данный ему Богом нравственный закон и чрез то бывает или добродетелен или порочен, но вообще предмет сей изложен самым отвлеченным образом и нередко в довольно темных и сбивчивых выражениях. Не сомневаясь в благонамеренной цели Ректора Серафима и не входя в догматический разбор суждений и выводов, им предлагаемых, Комитет не мог, однако же, не усомниться, нужно ли и полезно ли печатание подобных отвлеченностей в губернских наших ведомостях, предназначенных *для всех классов* и в том числе для таких, которые *вовсе не приготовлены к восприятию и правильному уразумению* [курсив наш. – С. Г.] таких Богословских тезисов»¹. Центральным в данном деле стало понятие, в котором присутствуют две параллельные семантики в зависимости от дискурса и/или субдискурса, в который это понятие помещено. Пожалуй, начиная от Аврелия Августина, запустившего спор о свободе воли и благодати, эта тема становится значимой и для Фомы Аквинского, и для Мартина Лютера с Эразмом Роттердамским, и для Жана Кальвина и далее. В таком теологическом измерении это понятие без-

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 3 об., 4.

условно фигурирует и в XIX в., и, в отличие от предыдущего дела, тут трудно заподозрить архимандрита Серафима в скрытом намерении распространения политических идей. Однако при «перетаскивании» понятия *свобода* в политический дискурс, что вполне успешно удается *Комитету* путем введения абстрактного читателя «разных классов» (вспомним процесс «демократизации» понятия по Райнхарду Козеллеку), его семантика также меняется – содержание понятия определяется политическим контекстом. *Комитет* фиксирует отсутствие единого инварианта у автора и «неприготовленного к восприятию» читателя, при котором «отвлеченное» *le libre arbitre* способно обернуться опасным *Liberté* (*свобода-проект* / *свобода-лозунг*). Даже при наличии в речи архимандрита уточнений, понятие «свобода» ощущается Комитетом как неуместное, т.к. в контексте политических событий оно само выпадает за границы *нормы* – в 1850 г. такое публиковать больше нельзя.

Практическим решением дела стало усиление надзора за публикациями «духовных лиц» со стороны духовной цензуры, о котором сообщает в подкрепленной к делу «записке» Обер-Прокурор Святейшего синода, граф Николай Александрович Протасов: «Между тем Святейший Синод определением 23-го марта постановил за непременное правило, чтобы проповеди, слова и речи, сочиненные духовными лицами, не были впредь печатаемы в губернских ведомостях без особого разрешения духовных цензурных комитетов, и снабдил сие последнее наставлением об усугублении строгого внимания при рассмотрении оных»¹.

Мы привели лишь несколько примеров таких случаев, где в цензурном делопроизводстве рассматриваются отдельные понятия для демонстрации того, как на цензурном материале могут быть исследованы их семантические изменения, привязанные к политическому контексту. Безусловно два случая не решают полностью вопроса показательности (даже если бы было приведено и больше, это не сняло бы проблемы уязвимости микроисследований к критике на предмет их показательности), однако на наш взгляд, «дело о книге», намеренно распространяющей политические идеи, и «дело о речи», максимально от политики далекой, в силу их полярности образуют весь коридор

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 11 об.

вариантов, хотя в любом случае мы говорим не о детальной панораме, а скорее об эскизе к ней.

«Светская», «Духовная» и «Ученая» «особы»

Не менее значимым цензурный материал оказывается и при анализе понятий, используемых самими цензорами и/или в отношении самой цензуры, например – «светская» и «духовная». Мы попробуем контурно обозначить то, как это деление влияло на цензурную практику и как оно соотносится с классической бинарной оппозицией *секулярное / религиозное*.

Вообще история демаркации *светской* и *духовной* цензуры – это тема для отдельной статьи. Мы не будем слишком углубляться и возьмем за точку отсчета момент официального учреждения цензуры – формирования т.н. смешанных цензурных комиссий. Так, в указе Сенату 1796 г. вводился запрет на ввоз книг из-за границы, упразднялись вольные типографии и учреждались официальные цензуры [Сборник постановлений ... , 1862, с. 26]. Все книги должны были проходить предварительную проверку. Печатать позволялось лишь те, в которых нет «*ничего закону Божию, правилам Государственным и благоува-вию*» [там же] «противного». Созданные цензурные комиссии должны были состоять из трех «особ» – «*одной духовной, одной гражданской и одной ученой*» [курсив наш. – С. Г.]» (от Синода, Сената и Академии наук соответственно – своего рода миниатюра общей практики¹). Любопытным исключением из этого правила стала цензурная комиссия в Вильно, в проекте которой появляется должность цензора еврейского языка – не переводчика, а именно цензора (см. илл. 4).

¹ До этого цензурой духовной литературы занимался Синод, цензурой светской – гражданские ведомства, а цензуру научных текстов осуществляла Академия наук.

Напоминовенна Общественна Его Императорского Величества Рукко Начальника
Тако
Вилно 2го Фел.
1799го Фел.
В. Павловск.

ПРИМЕРНЫЙ ШТАТ ЦЕНЗУРЫ В Вильно

Цензур:

Судебный	6. 800.
Гражданский	6. 800.
Ученый	6. 800.
Еврейского языка	6. 800.
Секретарь знающий иностранные языки коему поручается и хранение книг	1. 600.
На канцелярских служителей и расходы	1000.
Итого	5. 4600.

Подлинный Вилно Императорского Величества Рукко

На подлинном Собственного Его Императорского Величества рукою написано тако:

быть поему.
Июня 2го дня
1799го года
в Павловске.

Примерный штат цензуры в Вильно

Цензур:	Число по штату	им в год жалования рубль
Духовный	1.	800.
Гражданский	1.	800.
Ученый	1.	800.
Еврейского языка	1.	600.
Секретарь знающий иностранные языки коему поручается и хранение книг	1.	600.
На канцелярских служителей и расходы		1000.
Итого	5.	4600.

Подлинный за подписанием Правительствующего Сената

Илл. 4. Примерный штат цензуры в Вильно¹

В таком виде штат не был утвержден, по причине того, что человек, исповедующий иудаизм, не мог заниматься статской службой, но любопытен и сам факт того, что в данном проекте, помимо духовного цензора, добавляется и отдельный цензор для еврейской религиозной литературы (а она вся была религиозной). Мы предполагаем, что более отчетливо фиксируемый уровень религиозной *инаковости* (другие религии) вызывал определенные затруднения при его встраивании в общий «дизайн» государственного надзора. Понятие *религиозное* оказывается параллельно сосуществующим *светскому* / *духовному* делению. Это проявилось и в том, например, что основным «цензором» еврейской религиозной литературы» выступало в первой половине XIX в. вполне светское министерство народного просвещения. Но, на наш взгляд, не только «другие религии» / «другие веры» попадали в категорию «религиозное».

Обратной стороной *религиозного* оказывалось, напротив, наименее отчетливо фиксируемое, даже когда по смыслу оно христианское. Из устава в устав кочуют странные формулировки о допустимости рассмотрения светскими цензорами «общих рассуждений о Боге» и вопросов «относящихся до веры». Так, в первом цензурном уставе 1804 г. декларируется, что **светским** цензорам, ради «успехов про-

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Ед. хр. 388. Л. 162.

свещения» разрешается свободно пропускать «скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся *до веры...*», как, к слову, и запрещать тексты, где содержатся отрывки «явно отвергающих бытие Божие» [Сборник постановлений ... , 1862, с. 26]. Соседство термина *просвещение* и *сочинение относящиеся до веры* вместо традиционного *духовные сочинения*, на наш взгляд, показательно. *Религиозное*, образно выражаясь, оказывалось в лиминальном пространстве между *светским* и *духовным* – в серой зоне с неясной подведомственностью. Нормы устава, судя по всему, лишь обнаруживали, а не устраняли эту проблему. В качестве попытки «примирить» *светское* и *духовное* можно, вероятно, рассматривать учреждение в 1817 г. Министерства «духовных дел и народного просвещения». подробнее см.: [Вишленкова, 1998]. Недовольство размытостью границ между категориями *духовного* и относящегося до веры (религиозного) проявлялось и в отношении конкретных случаев. В направленном министру духовных дел и народного просвещения именном указе 1824 г. сообщается, что Санкт-Петербургским митрополитом повторно рассмотрено сочинение «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», как и «многие, *к вере относящиеся книги* [курсив наш. – С. Г.]», в связи с тем, что они публиковались в обход духовной цензуры в светских типографиях, нередко имеют «ложные и соблазнительные о Священном Писании толкования». С другой стороны, «книги в духе православной нашей веры написанные, подвергались строгому запрещению» [Сборник постановлений ... , 1862, с. 121–122].

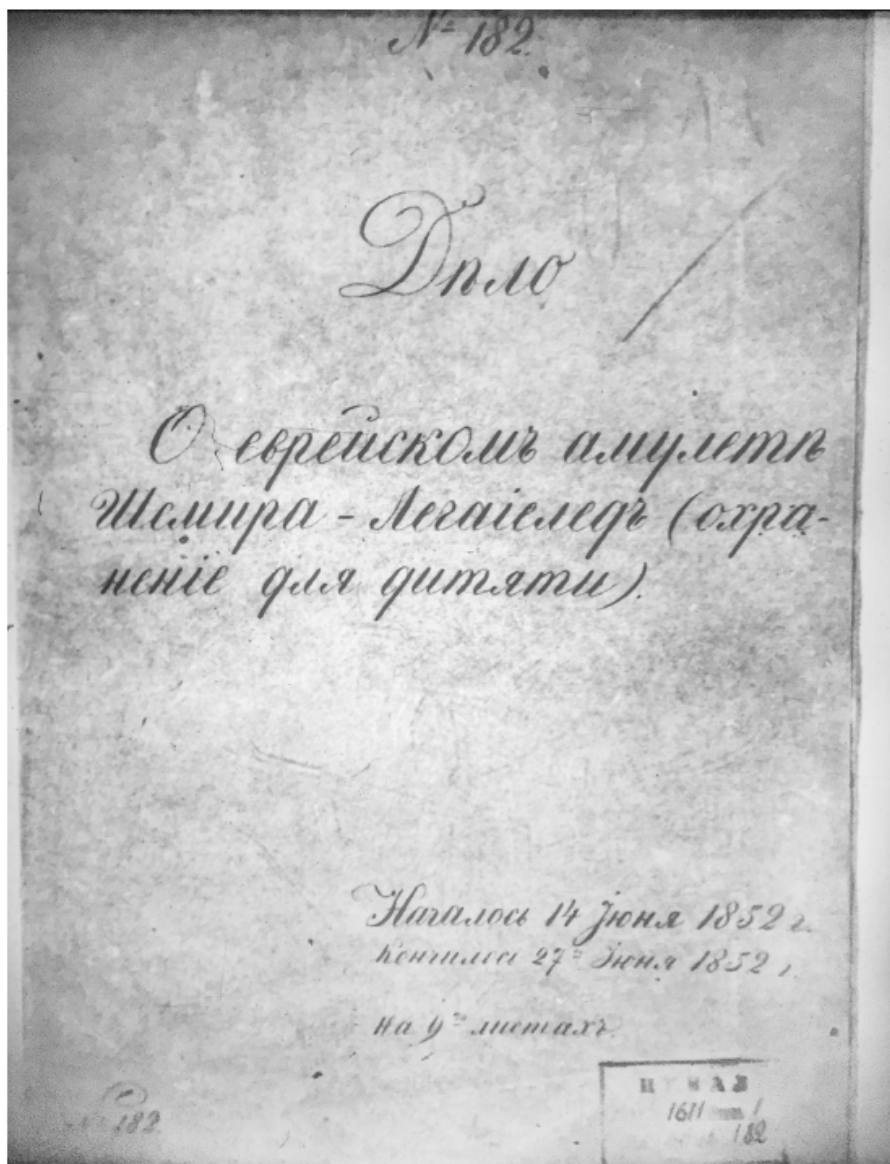
В уставе 1826 г. светским цензорам также разрешается рассматривать некоторые религиозные книги – под статью устава, которая требовала обращаться к духовной цензуре в тех случаях, когда у светской появлялись сомнения, не подпадали «*общие рассуждения о Боге и совершенствах Его*, также *о Христианской вере вообще* [курсив наш. – С. Г.]» [там же, с. 155]. В 1828 г., после неудачного устава 1826 г., появляются два отдельных устава – один для светской цензуры, другой для духовной. В § 23 **светского** устава о цензуре допускается рассмотрение светскими цензорами сочинений, имеющих отношение «к нравственности вообще», как и тех, в которых рассуждение о морали и нравственности подкрепляется цитатами из Библии. В духовную цензуру передаются лишь сочинения «совершенно духовного содержания», а также касающиеся догматических вопросов и «Священной

истории» [Полное собрание законов ... , 1830, с. 462]. По-видимому, большая часть трудностей, связанных с цензурными уставами, сконцентрирована вокруг деления текстов на *светские* и *духовные* и (что важнее!) наличия текстов, не встраивающихся в это деление. Это во многом подтверждает нашу гипотезу о том, что *религиозное* (с неявно выраженной семантикой) существует параллельно *светскому* и *духовному*.

Дело № 182 «О еврейском амулете Шемира-Легаиелед (охранение для дитяти)»

Однако ключевым остается вопрос о том, что такое это *религиозное* и какова его собственная семантика. Помочь ответить на этот вопрос, по крайней мере в первом приближении, может цензура еврейской религиозной литературы, которая подавляющей частью осуществлялась *светскими* ведомствами, и *Комитет 2-го апреля 1848-го года* тут не стал исключением (в архиве *Комитета* достаточно много дел, посвященных этой теме). Мы рассмотрим дело «О еврейском амулете Шемира-Легаиелед (охранение для дитяти)» и т.к. оно, судя по всему, вводится в научный оборот впервые и может представлять отдельный интерес для исследователей иудаизма, мы добавим расшифровку журнала *Комитета* по этому делу целиком [см. ниже]. Вдобавок это зримее передаст «настроение» документа – позволит хотя бы отчасти проникнуться царящей в цензурном бюрократическом тексте XIX в. атмосферой, ведь такие документы (даже на уровне формулировок, а не только через грифы, штампы и подписи) заняты непрекращающимся символическим производством власти, сигнализируют о ней посредством стилистических стратегий интегрированных в «тело» бюрократического текста (даже на уровне «снисходительного взгляда сверху», который, безусловно, угадывается в документе).

Расшифровка Дела №182 «О еврейском амулете Шемира-Легаиелед (охранение для дитяти)»

№ 182

Дело

*О еврейском амулете
Шемира-Легаиелд
(охранение для дитяти).*

Началось 14 Июня 1852г.

Кончилось 27 Июня 1852 г.

На подлинном Сводном Его Императорского Величества рукою написано карандашным, Исполните:

В Петербурге 16го Июня 1852.

Врно. Стари. Вреде. Садов. А. Коп.

Журнал Комитета Высочайше
устроенного во 2^е день Апреля 1848 года.

Во Еврейскомъ народѣ существуетъ
поверье, что родильницы и новорожденные
младенцы подвержены напастямъ отъ гер-
тотки Ациной. Въ предохраненіе ихъ отъ
этихъ напастей, Евреи развѣшиваютъ надъ
постелью, дверями и окнами комнаты
родильницы, амулеты-листки, тексты
которыхъ сущимъ 120^ю псалмомъ: *Возведаетъ
оги мои въ горы, отнюду же придетъ по-
мошь моя* и проч. о присовокупленіи
слѣдующихъ словъ: *Авраамъ и Сарра, Иса-
акъ и Ребекка, Иаковъ и Лия, Адаиъ и Ес-
ва войдите. Всмогутъ ли сокрушить*

*На подлинном Собственной Его Императорского
Величества Рукою написано карандашом
«Исполнить». В Петергофе 16-го июня 1852 г.*

Верно: Статс-Секретарь Барон Корф. Подпись.

*Журнал Комитета Высочайше
учрежденного во 2-й день Апреля
1848 года.*

В Еврейском народе существует
поверье, что родильницы
и новорожденные младенцы
подвержены напастям от чертовки
Лиливи. В предохранение их от этих
напастей, Евреи развешивают над
постелью, дверями и окнами комнаты
родильницы, амулеты-листки, текстом
которых служит 120-й псалом:
«Возведох очи мои в горы, отнюду
же приидет помощь моя» и проч.
с присовокуплением следующих слов:
«Авраам и Сарра, Исаак и Ревека, Иаков
и Лия, Адам и Ева войдите. Всемогуший
да сокрушит

ситуану. Дорогие не оставили в жизни.

Занимающийся при Комитете итальский
книж на еврейский язык, Митурский Со-
ветник Розен, представил нм Комитету
такой миток (Шемира Агаимов т. е.
Сохранение для дитяти) написанный съ одо-
брения Киевского цензора, - к 1907 псалму
придана еще еще сибирская иркутская
сказка: „Во имя Богов, Бога Израильскаго, ко-
го нм велико и страшно. Великий па-
мяти Илия / Пророк / шед по дороге и
встретил Ашмю и всю его шайку и сказав
„он подобен Ашмю. куда ты, нечестная
любовница, со своим дураком и всю шайку твою
идешь? И отомстил Ашмю, его-
ра: Господина мой Илия, а иду я домой родим-
нице. И дочери Ашмю на нее сойд смерти,
и отняли у ней новорожденную со дога, дабы
убить ее кров, и сосать мочи ее костей, и
истагать ее плоть. И возразил ей Илия про-

сатану. Ворожеи не оставляй в живых».

Занимающийся при Комитете чтением книг на Еврейском языке, Титулярный Советник Розен, представив ныне Комитету такой листок (Шемира-Легаиелед т.е. охранение для дитяти) напечатанный с одобрения Киевского цензора, к 120-му псалму прибавлена здесь еще следующая изуверная сказка: «Во имя Яеговы, Бога Израилева, коего имя велико и страшно. Блаженной памяти Илия /Пророк/ шел по дороге и встретил Лиливь и всю ее шайку и сказал он злодейке Лиливи: куда ты, нечестивая злодейка, со злым духом и всею мерзкою шайкою твоею, идешь? И отвечала Лиливь, говоря: Господин мой Илия, я иду в дом родильницы N, дочери N, навести на нее сон смерти, и отнять у ней новорожденную ею дочь, дабы выпить ее кровь, иссосать мозг ее костей, и истязать ее плоть. И возразил ей Илия

«Клянитесь: да слышит тебя Всевышний, и да
будешь ты неподошана как камень. И ответа
она говоря: Бога ради разрши мне, и я
зубу, и клянусь тебе именем Господи, Бога Но-
раима, оставить в посоп эту робининицу и ново-
рожденная ю сына и когда тыко проинесут
имена мои, то имя и кси мой шайя да не
будет власти зидит, или зидит от доид ро-
диницу а еще имен зидит. Вот мои имена
Ашмо, Ашма, Ашма, Мизрафу, Закаш, Огид,
Мелиду, Иш, Матрути, Ану, Кати, Струна/ш
Штуна/ Кисуту, Тимуту и Ушатаа».

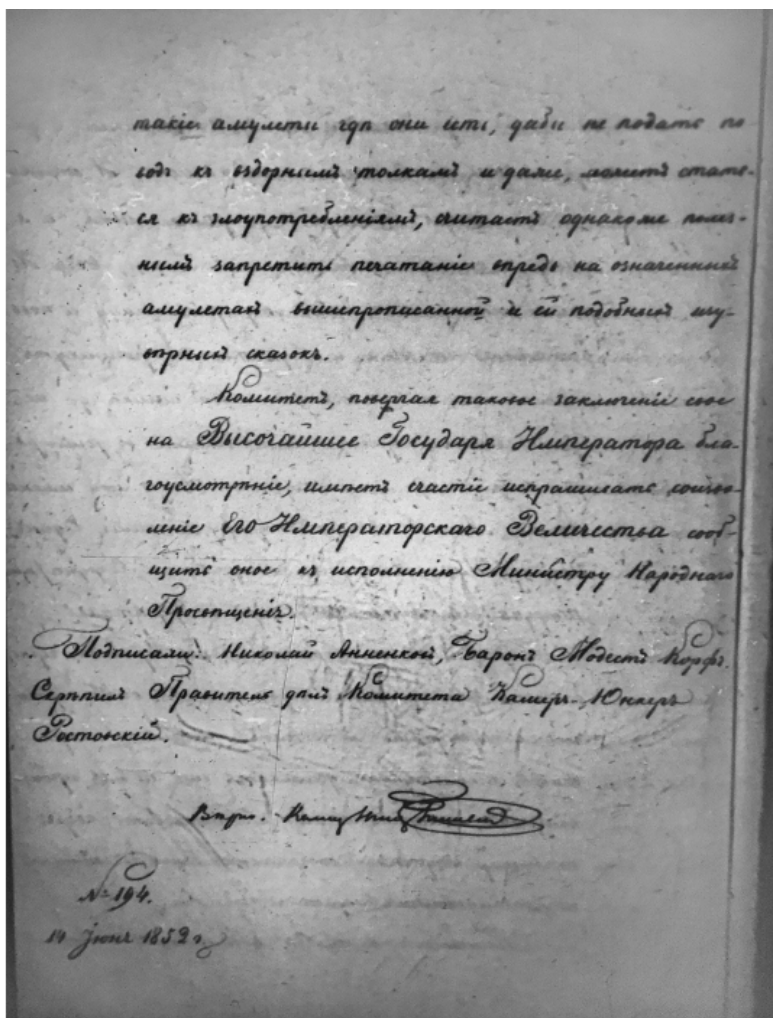
Принимая во внимание, что Вульгарная гер-
манского языка именованна к каббалисти-
ческому существительному, следовательно калитер, воспре-
титель спекулятивный усматривать еще, по нем прои-
схоту эти существия новини и истинности сверх
того на раздвоенное изображение боиниш жидиш
интерактивный амусталии.

Поэтому, не только усматривать стидит

проклятием: да свяжет тебя Всевышний,
и да будешь ты неподвижна как камень.
И отвечала она, говоря: Бога ради разреши
меня, и я убегу, и клянусь тебе именем
Яеговы, Бога Израиля, оставить в покое эту
родильницу и новорожденного ею сына
и когда только произнесут имена мои, то
мне и всей моей шайке да не будет власти
вредить, или входить в дом родильницы,
а еще менее губить. Вот мои имена Лиливь,
Авита, Авизь, Мизрафу, Гакашь, Одем,
Икпиду, Или, Матрути, Авну, Кати, Струна : /
или Штруна : /, Клисути, Тильтук и Уршатах».

Принимая в соображение, что
Еврейская чернь, без того уже слишком
наклонна к каббалистическим суевериям,
следовало бы, кажется, воспретить
спекуляторам усиливать еще, по их произволу
эти суеверия новыми, и действовать, сверх
того, на расстроенное воображение больных
женщин шарлатанскими амулетами.

Комитет, не находя уместным отбирать

такие амулеты где они есть, дабы не подать повод к вздорным толкам и даже, может статься, к злоупотреблениям, считает, однако же, полезным запретить печатание впредь на означенных амулетах вышепрописанной и ей подобных изуверных сказок.

Комитет, повергая таковое заключение свое на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение, имеет счастье испрашивать соизволение Его Императорского Величества сообщить оное к исполнению Министру Народного Просвещения.

*Подписали: Николай Анненков, Барон Модест Корф.
Скрепил Правитель дел Комитета Камер-Юнкер
Ростовский.*

Верно. (Подпись Ростовского).

№ 194.

14 Июня 1852г.

(РГИА.Ф.1611.Оп.1.Ед.Хр.182.Л.1-3)

Мы хотели бы обратить внимание на понятия: «Еврейская чернь», «суеверия», «спекуляторы», «изуверные сказки», «шарлатанские амулеты», «расстроенное воображение» – все это маркирующие понятия, постоянно фигурирующие в цензурных делах, посвященных религиозной литературе. Эти понятия чаще всего сопровождали элементы

народной религиозности, и в них, на наш взгляд, отчетливо слышны просвещенческие ноты. Вполне уместно предположить, что понятие *религия*, которым оперировали цензоры, это именно современное понятие – часть просвещенческого проекта. Это понятие *религии* в просвещенческом измерении представляет из себя двухъярусную интеллектуальную конструкцию – оно подразумевает наличие на одном «этаже» некой «чистой религии» просвещенных людей и на другом – «сомнительных» народных наслоений («суеверий», «сказок», «басен», «шарлатанства» и т.д.). Семантика современного понятия *религия* (как *понятия-лозунга*) содержит призыв к очищению от всякого рода «народных наслоений». Получается немного парадоксально – если сами идеи просвещения, безусловно, преследуются цензурой, то понятие *религии*, как интеллектуальная конструкция, которой оперируют цензоры, определенно продиктовано просвещенческим проектом. И важно понимать, что в случае цензора это не просто понятие, а инструмент, который применялся к религиозным текстам *других / инаковых*. Да и в целом это понятие во многом определяло вектор конфессиональной политики, что проявлялось, например, в ориентации государственного аппарата на поддержание именно **просвещенного** крыла иудаизма (маскилим, Хаскала) – иудаизма, который наиболее соответствовал просвещенческому представлению о *религии*, (очищенной от народных верований), что нередко оборачивалось притеснениями хасидского направления иудаизма.

Наконец, возвращаясь к бинарной оппозиции *секулярное / религиозное*, отметим, что, на наш взгляд, применительно к российскому историческому материалу она не является эквивалентом оппозиции *светское / духовное*, так как категории *светское* и *духовное* были вполне осязаемыми инструментами межевания (демаркации) культуры, рассекающими ее на две части – светская и духовная литература, светское и духовное образование, светская и духовная цензура, и за всем этим пристально присматривали обе головы двухглавого орла власти – Сенат и Синод. Если и говорить о религиозном («относящемся до веры»), то скорее уместно говорить о трехчастном делении *светское / духовное / религиозное*, где *религиозное* (пусть и называемое «относящимся до веры») *со-существует* параллельно основному светско-духовному делению. Это одновременно может означать и то, что как рассуждения Талала Асада, так и теоретические построения

Чарльза Тейлора если и применимы к российскому материалу, то лишь с определенными оговорками. Ретроспективно накладывая идеально-типическую бинарную оппозицию секулярно-религиозного на российский исторический материал, мы, быть может, проявляем определенную неаккуратность, чреватую подменой семантики. Так, у Талала Асада при основном делении секулярное / религиозное, *духовное* появляется как некий оттенок или след глубинной связи религиозного с сакральным, например, когда он походя рассуждает о взглядах теолога Робертсона Смита в его статье о Ветхом Завете как поэзии: «Это позволяет ему [Смиту. – С. Г.] говорить о любой истинной поэзии (как секулярной, так и религиозной) как о “духовной” (spiritual). Когда поэзия идет “от сердца к сердцу”, она становится манифестацией трансцендентной силы, которую секулярные литературные критики называют теологическим термином “богоявление” (epiphany)» [Асад, 2020, с. 63–64]. Если *духовное* и возникает в размышлении Асада, то скорее как понятие, укореняющее связь секулярно-религиозного деления с сакрально-профанным (эпифанно-профанным?). В Российской империи *духовное* – это главная оппозиция *светскому*, а *религиозное* («относящееся до веры»), вероятно фигурирует как, если угодно, одно из *слов-проектов* – инструментальных понятий политического языка. Оно соотносимо в т.ч. и с православием. Для обозначения же именно *других религий* использовались такие термины, как «ино-верие», «иностранное исповедание». Тут уместно, например, вспомнить о главном законодательном документе, регулирующем жизнь адептов *Других религий* в империи начиная с Николая I, – «Устав *духовных* [курсив наш. – С. Г.] дел иностранных исповеданий». Но еще важнее то, что в самом названии Уставов фигурирует словосочетание «*духовные дела*» в отношении «иностранных исповеданий», не позволяющее нам свести семантику категории *духовное* к смысловому диапазону «православное» или «христианское». Гораздо уместнее говорить о конструкции светское / *духовное* / «относящееся до веры» (религиозное), где последнее несводимо к понятию маркирующему религиозно *Других* – «иностранных исповеданий».

В заключение отметим, что, на наш взгляд, пусть, возможно, и силуэтно, но нам удалось продемонстрировать значимость цензурных материалов для анализа исторической семантики понятий.

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1611 – Комитет 2 апреля 1848 года. Оп. 1.

Ед. хр. 1. Дело «По учреждению Комитета 2-го Апреля 1848 г. для высшего надзора за произведениями Русского книгопечатания».

Ед. хр. 69. Дело «О извлечении из продажи книжки под заглавием: Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка».

Ед. хр. 106. Дело «О помещенной в Пензенских Губернских ведомостях речи, произнесенной ректором Могилевской Семинарии Архимандритом Серафимом на публичном испытании воспитанников оной 11-го июля 1849 г.».

Ед. хр. 182. Дело «О еврейском амулете Шемира–Легаетел (охранение для дитяти)».

Ф. 1374. Канцелярия Генерал-прокурора Сената.

Оп.4. Ед.Хр. 388. Рапорты по цензурам Санкт-Петербургской, Виленской и Кронштадтской.

Archival materials

RGIA — Russian State Historical Archive

F. 1611 — Komitet 2 aprelia 1848 goda [Committee of the April 2-nd, 1848]. Op. 1.

Ed. khr. 1. Delo “Po uchrezhdeniiu Komiteta 2-go Aprelia 1848 g., dlja vysshego nadzora za proizvedeniiami Russkogo knigopechataniia”. [The Case “On the establishment of the Committee of April 2, 1848, for the highest supervision of Russian publishing”].

Ed. khr. 69. Delo “O izvlechenii iz prodazhi knizhki pod zaglaviem: Karmannyj slovar’ inostrannyh slov, voshedshih v sostav Russkogo yazyka” [The Case “On the withdrawal from sale of a book entitled: Pocket Dictionary of Foreign Words included in the Russian Language”].

Ed. khr. 106. Delo “O pomeshchennoi v Penzenskikh Gubernskikh vedomostiakh rechi, proiznesennoi rektorom Mogilevskoi Seminarii Arkhimandritom Serafimom na publichnom ispytanii vospitannikov onoi”. [The Case “On the speech placed in the Penza Provincial Gazette, delivered by the rector of the Mogilev Seminary, Archimandrite Seraphim at the public examination of the students thereof”].

Ed. khr. 182. Delo “O evrejskom amulete Shemira–Legaieted (ohranenie dlya dityati)” [The Case “About the Jewish amulet Shemira–Legaieted (protection for the child)”].

F. 1374. Chancery of the prosecutor general of Governing Senate.

Op.4. Ed. khr. 388. Raporty po cenzuram Sankt-Peterburgskoj, Vilenskoj i Kronshadtskoj [Reports on the censorship committees of St. Petersburg, Vilna and Kronstadt].

Список литературы

Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модернизм. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.

Вишленкова Е.В. Религиозная политика в России (первая четверть XIX века) : дис. ... д-ра истор. наук. – Казань : Казанский государственный Университет, 1998. – 466 с.

Горюнов С. Между полемикой и толерантностью: конструирование «религиозного другого» через призму николаевской цензуры // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2021. – Т. 39, № 2. – С. 247–276.

Кагарлицкий Ю., Маслов Б. Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – С. 9–38.

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. – Санкт-Петербург : Типография Губернского правления, 1845. – [4], 176 с.

Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи : в 2 т. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – Т. 1. – С. 23–44.

Котович А.Н. Духовная цензура в России. 1799–1855 гг. – Санкт-Петербург : Типография «Родник», 1909. – [4], XVI, 608, XIII с.

Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – Санкт-Петербург : типография товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1904. – XIII, [3], 427 с. : ил., портр.

Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: зап. И дневник (1804–1877 гг.). – Санкт-Петербург : М.В. Пирожков, 1905. – [8], II, 632 с.

Никифорова Н.В. Научная традиция истории понятий и ее культурологический потенциал // Философия права. – 2010. – № 2(39). – С. 104–109.

Остин Д. Как производить действия при помощи слов // *Остин Д.* Избранное. – Москва : Идея-пресс, 1999. – С. 13–135.

Покок Дж.Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 142–190.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 3. 1828. От № 1677 до 2574. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1642 с., разд. Паг., [9] л. Ил.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1862. – [3], 482 с.

Шишова Н.М. «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами» и его место в типологии печати 60-х гг. XIX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 3(145). – С. 158–162.

Austin J.L. How to Do Things with Words. – London : Oxford University Press, 1965. – 166 p.

References

- Asad, T. Vozniknovenie sekulyarnogo: hristianstvo, islam, modernost'. [Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 376 p. (In Russ.)
- Austin, J.L. Kak proizvodit' dejstviya pri pomoshchi slov [How to Do Things with Words]. In Austin J. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Ideya-press Publ., 1999. pp. 13–135.
- Goryunov, S. Mezhd u polemiko j i tolerantnost'yu: konstruirovanie "religioznogo drugogo" cherez prizmu nikolaevskoj cenzury [Between Polemics and Tolerance: Constructing the Religious Other Through the Censorship of Nicholas I]. In *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. Vol. 39, no 2, 2021, pp. 247–276. (In Russ.)
- Kagarlickij, Yu., Maslov, B. Mezhd u Frege i Fuko: metodologicheskie orientiry istoricheskoi semantiki [Between Frege and Foucault: Methodological Guidelines for Historical Semantics]. In *Ponyatiya, idei, konstrukcii: ocherki sravnitel'noj istoricheskoi semantiki*. [Concepts, ideas, constructions: essays on comparative historical semantics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. pp. 9–38. (In Russ.)
- Karmannyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka, izdavaemyj N. Kirilovym* [Pocket Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language, Published by N. Kirillov]. Saint Petersburg, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1845. [4], 176 p. (In Russ.)
- Koselleck, R. Vvedenie (Einleitung) [Introduction (Einleitung)]. In *Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponyatij: Izbrannye stat'i in 2 t. T. 1*. [Dictionary of basic historical concepts: Selected articles in 2 volumes. V. 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. pp. 23–44. (In Russ.)
- Kotovich, A.N. *Duhovnaya cenzura v Rossii. 1799–1855 gg.* [Spiritual Censorship in Russia. 1799–1855s.]. Saint Petersburg, Tipografiya «Rodnik» Publ., 1909. [4], XVI, 608, XIII p. (In Russ.)
- Lemke, M.K. *Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya* [Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of XIX Century]. Saint Petersburg, Tipografiya tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud» Publ., 1904. XIII, [3], 427 p., ills., portr. (In Russ.)
- Nikitenko, A.V. Moia povest' o samom sebe i o tom, "chemu svidetel' v zhizni byl": Zap. i dnevniki (1804–1877 gg.) [My story about myself and about "what in my life I was a witness": Notes and diary (1804–1877)]. Saint Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ. (In Russ.)
- Nikiforova, N.V. Nauchnaya tradiciya istorii ponyatij i ee kul'turologicheskij potencial [The Scientific Tradition of the History of Concepts and Its Cultural Potential]. In *Filosofiya prava*, no 2 (39), 2010, pp. 104–109. (In Russ.)
- Pocock, J.G.A. The state of the art (Vvedenie k knige «Dobrodetel', trgovlya i istoriya») [The State of the Art (Introduction to the Book "Virtue, Trade and History")]. In *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, pp. 142–190. (In Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe. T.III. 1828. Ot № 1677 do 2574* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. T. 3. 1828. From No 1677 to

2574]. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii Publ., 1830. 1642 with separ. pag., [9] p. ills. (In Russ.)

Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po cenzure s 1720 po 1862 god [Collection of Resolutions and Orders on Censorship from 1720 to 1862]. Saint Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva Publ., 1862. [3], 482 p. (In Russ.)

Shishkhova, N.M. «Enciklopedicheskij slovar', sostavlennyy russkimi uchenymi i literatorami» i ego mesto v tipologii pechati 60-h gg. XIX veka [“An Encyclopedic Dictionary Compiled by Russian Scientists and Writers” and Its Place in the Typology of the Press of the 60s of the XIX Century]. In *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. no 3 (145), 2014, pp. 158–162. (In Russ.)

Vishlenkova, E.V. *Religioznaya politika v Rossii (pervaya chetvert' XIX veka)*. [Religious Policy in Russia (the First Quarter of the XIX Century)]. Dis. d.i.n. Kazan', Kazanskij gosudarstvennyj Universitet, 1998. 466 p. (In Russian)

Austin, J.L. *How to Do Things with Words*. London: Oxford University Press, 1965. – 166 p.